

– Молодой человек, это уже хамство. Прекратите меня снимать.

И он... не прекратил. Вера, глядя в объектив, выговаривала все: и «козла», и «хама», и «я шас камеру тебе разобью, урод». Наконец она выдохлась и замолчала. Он отснял еще несколько кадров и тоже замолчал.

– Так-то лучше, – наконец произнес он. – Ты бледная какая-то. Болеешь, что ли?

– Немного.

– Ну, пошли.

Он развернулся и пошел к началу бульвара, на ходу прикуривая новую сигарету. Вера стояла, теребя сползающий с мизинца кончик перчатки, и смотрела ему вслед. Он шел, не оборачиваясь, как будто никогда и не разговаривал с ней, не звал ее за собой. Она побежала, тяжело и неуверенно ступая и думая о том, как бы не подвернуть ногу и не рухнуть у него на глазах.

– Меня зовут Артем. А тебя?

– Ты же только что курил. – Вера едва сдерживала дыхание, чтобы он не догадался, как сильно она на самом деле запыхалась.

– Ну и что? Подумаешь. Все равно скоро бросать буду. Хочу выкурить все сигареты мира.

Ей совсем не хотелось говорить свое имя. Да и вообще говорить. «Куда он идет? Куда я иду? Неужели я изменю Володе? Ни разу – и тут вдруг на тебе. Да и зачем? И почему с ним? Господи, он примерно одного возраста с Алешкой. Неужели не видно, что мне уже за 40? Или он любит постарше? Извращенец. Но я-то куда?» Вера быстро шла, мелко семеня околевшими ножками в бумажных башмачках и все-таки не поспевая. Они подошли к пешеходному переходу. Зеленый человек мигал, и машины медленно катились вперед, не желая никого переехать, но и ждать никого не желая. Артем было соскочил с поребрика и рванул вперед, но, передумав, вернулся обратно к Вере. «Хоть бы никого знакомого не встретить», – подумалось ей.

– Давай в аптеку зайдём? – Он уже открывал дверь.

В аптеку? За презервативами? А если нет, может, самой тогда купить? Но Вера, несмотря на свой почтенный возраст, никогда, никогда не покупала сама презервативы – это было полностью во власти мужа. Да и сама она была целиком и полностью в его власти. Купить? Стыдно. А изменять без презерватива нельзя: Вера знала это твердо, хотя ни разу и не изменяла.

– Здравствуйте! Подскажите, пожалуйста, – Артем громко и уверенно беседовал с фармацевтом, заранее покоряя ее своей предупредительно-

стью, – есть у вас что-нибудь от простуды? Такое, чтобы на ходу принять.

Тетушка-фармацевт услужливо поплыла вдоль прилавка к своим полкам, полным сладкими синтетическими порошками и пилюлями. Она разложила перед Артемом несколько разных упаковок и застыла в ожидании, готовая дать самые исчерпывающие объяснения о каждом лекарстве.

– Я беру вот это. – Артем не стал тратить на это больше времени, чем нужно. – Тебе еще что-нибудь взять?

– Гематогенку.

– И гематоген, пожалуйста.

«Вообще-то, – размышляла тем временем Вера, – я сама могу купить себе лекарства». И все же приятно, что он зашел в аптеку не из-за презервативов: это Вера не подумала, но почувствовала – приятно.

Выйдя из аптеки, они быстро заскочили в отходящий автобус. Какой номер? Вера не успела заметить. Она заглянула в пакет узнать, какое же лекарство он ей купил, и обнаружила там журнал, который заботливо и незаметно положила аптекарка. Назывался он... Впрочем, Вера не запомнила, как он назывался. Подзаголовок был: «Каталог для всей семьи». «Она что, подумала, что мы супруги? Или, может, мать и сын?» Стыдно. Скорее всего, тетушка-фармацевт вообще не думала о них дольше двенадцати секунд – ровно столько времени ей потребовалось, чтобы выслушать покупателя и переварить информацию. Но Вере хотелось повсюду видеть знаки, которые доступно дали бы ей понять, совершает она ошибку или нет.

Тем временем Артем достал из рюкзака книжку и стал ее читать, ни разу не взглянув на растерянную Веру. На книжке было написано только одно слово: «Модильяни». Что это такое, Вера не знала и стеснялась спросить. Она вообще не была уверена, может ли разговаривать с мужчиной, с которым хочет, нет, собирается изменить мужу. Неужели уже и вправду собирается? Можно ведь сказать какую-нибудь гадость, выйти на следующей остановке и преспокойно, нет, преспокойно уже не получится, – дергано и в испуге от самой себя и чуть было не свершившейся катастрофы поехать домой. «Совсем не в моем вкусе. – Она тайком разглядывала нависающего над ней Артема. – И одет так себе. И имя дурацкое – Артем. Терпеть не могу. Так можно называть пятилетних мальчиков, но не взрослых мужчин. О чем только родители думают, называя так своих детей».

Нет, все-таки есть в нем что-то притягательное. И почему Вера смотрит на него так, словно

Ей захотелось, чтобы он еще раз повторил «проезд», «добры», захотелось сказать ему свое имя, чтобы он позвал: «Вера». Она оглянулась посмотреть на него. Разряд. Он смотрел на нее в упор черными глазами. Вера умирала, скрючившись на сиденье.

он мужчина, ведь он совсем мальчик. Она подумала о сыне, о том, как редко видит его, и постаралась пробудить материнское чувство к этому как будто взрослому мальчику. Вот он стоит перед ней какой-то взьерошенный, худой, джинсы висят, в старом вытянутом свитере, кеды... коричневые. Покормить бы его, обнять, приголубить. От этой мысли Вера вздрогнула и отвернулась к окну. Обнять? Да до него дотронуться страшно – от такого электро-разряда умрешь на месте.

Шатаясь и мотаясь из стороны в сторону, к ним подошла контролер.

– Сколько стоит проезд? – Артем полез в карман. – Два, будьте добры. За нее вот еще.

От нежности у Веры зарябило в глазах и выступили слезы. Она только сейчас заметила, что он немножко картавит, мягко и нечувствительно. Это делало его таким уязвимым. Ей захотелось, чтобы он еще раз повторил «проезд», «добры», захотелось сказать ему свое имя, чтобы он позвал: «Вера». Она оглянулась посмотреть на него. Разряд. Он смотрел на нее в упор черными глазами. Вера умирала, скрючившись на сиденье.

В автобусе было зябко и пахло бензином. Вера уже тысячу лет не ездила никуда общественным транспортом: работа была рядом с домом, а в остальном – с Володей на машине. За окном серо и пасмурно. Но сейчас Вера не могла отстраниться и уютно получать от этого удовольствие, как из-за стекла нагретой машины. Холод и промозглость, старые бабки, пахну-

щие семечками, бедностью и тоской, панельные, заляпанные непогодой дома, бледно-зеленые немощные деревья, короткий хруст грязи под ногой и девочка за окном – в легкой курточке, без шапки, вжимающая от ветра голову в плечи и с надеждой на каплю тепла сосущая сигарету – все это скребло и кололо, пробуждая болезненную, даже отчаянную жажду жизни и голую, смущенную любовь к себе и людям. Это ощущение ныло, как зуб. Вера почувствовала, как у нее поднимается температура, и закрыла глаза. Через три остановки Артем тронул ее за плечо:

– Приехали.

Это была мрачная окраина, где Вера прежде не бывала. Артем зашел в магазин на остановке, и, пока она ждала его, подошел следующий автобус. «Уехать?» – Вера запнулась об эту мысль.

– Для тебя была только «Агуша». – Артем протянул маленькую бутылочку воды и улыбнулся, прикуривая сигарету. – Остальное все из холодильника. Выпей таблетки, сейчас полегчает.

Они пошли дворами и скоро вышли к дороге. За дорогой был заброшенный парк. «В парке? Это низко». Вера остановилась в нерешительности на обочине. Артем быстро перешел на ту сторону, воспользовавшись дыркой в потоке машин. Вера осталась ждать. Мимо нее медленно прополз автобус, закрыв Артема на той стороне дороги и давая сполна насладиться пассажирам ее одиноким унижением. Из автобуса на нее сверху вниз тупо и безразлично, без доли осуждения смотрели все те же старухи. Усевшись однажды на сиденье, они навеки останавливали свой взгляд в одной точке, и с тех пор, что бы ни проплывало перед их взором, ни на секунду в глазах их не вспыхивал интерес.

Когда автобус наконец проехал, Вера взглянула на то место, где стоял Артем, когда его скрыло: там он еще? Он без остановки снимал, как она постепенно, по частям выплывает из-за автобуса, как ищет его глазами, переходит дорогу.

Чтобы попасть в парк в этом месте, им пришлось пролезать через дырку в заборе. Артем предусмотрительно проскользнул в щель первым и подал Вере руку. Дырка была узковата для Веры, и она неловко и с трудом протиснулась в нее, стыдливо опираясь на руку Артема.

– Какие у тебя перчаточки. – Артем крепко сжал ее пальцы, не выпуская их из своей руки.

– Что с ними не так? – Вера знала, что если сейчас поднимет глаза – растает на месте, как злая волшебница Бастинда.

– Да нет, они прекрасны. – Наконец он отпустил ее руку.

«Боже мой, что происходит. Я стесняюсь и горю, как восьмиклашка перед десятиклассником». Вера со спокойным удовлетворением почувствовала, что окончательно потеряла свой иммунитет, наработанный многими годами. Они брели по неширокой дороге, присыпанной жухлой листвой.

– Еще совсем ранняя осень. – Артем показал на тусклые, но все еще зеленые деревья. – Я люблю, когда все уже опавшее. По листьям ходить. Здесь я прогуливал свои занятия в техникуме.

«Вера, до чего ты опустилась? У него даже высшего образования нет». Вера остановилась. Как такая нелепая, глупая мысль могла прийти ей в голову? Какой гнусный и неуместный снобизм. Она подошла к некошеному газону, сняла перчатку, присела и коснулась увядшей травы. Ее снова охватило то же неудобное и острое чувство жизни. Во рту появился резкий вкус – вчера перед сном она робко любила Володю, стараясь расслабить его после трудного рабочего дня, теперь отчего-то стало неприятно и стыдно. Вера достала из сумки гематоген и, поспешно подойдя к Артему, взяла его под руку. Они шли молча, иногда неловко касаясь бедрами, рука в руке. Он посадил ее на скамейку и укрыл своим пальто. «Боже, что скажет Ленка, если узнает? Она меня возненавидит... Глупости». Вера грызла гематоген, не замечая, что Артем фотографирует ее. Зачем сопротивляться? В конце концов, она вряд ли увидит когда-нибудь эти фотографии. А вдруг ее измена затянется и перерастет в роман? Но с кем? С этим мальчиком, который младше ее чуть не на двадцать лет?

Артем снимал.

– Отстань! – Она закрыла лицо руками.

– Ты такая серьезная. О, улыбка появилась. Я купил новую карточку на 32 гига.

– Надеюсь, ты не все 32 гигабайта хочешь заполнить моими фотографиями?

– Тобой я бы не то что 32 гигабайта, я бы 32 терабайта, я бы все пространство заполнил. – Артем внимательно посмотрел на Веру.

«Сколько он уже приводил сюда и фотографировал?» Ревность разбередила, словно кошка своим шершавым языком.

По оврагам и буеракам они дошли до железнодорожного моста.

– Видишь, там на самой высоте такие... вроде как колонны? Вот мы туда забирались и бегали там, когда поезд на мосту под нами шел. Трясло, а нам весело. Я недавно решил забраться, попробовать, как в детстве, вцепился в поручень и висел на нем, пока поезд не проехал. Страшно. Ты боишься высоты?

– Нет.

На самом деле Вера панически боялась, но сейчас ей отчего-то захотелось забраться туда и побегать, когда поезд будет с грохотом идти по мосту. Артем снова открыл объектив.

– А ты закрытая, да. Но за два-три часа я бы тебя расколочил. Надо бы тебя снимать при нормальном освещении и не в моем мешковатом пальто.

Вера, нелепая и простая, была одета в его пальто, застегнутое на все пуговицы.

– Я себя сейчас так чувствую, что мне только в мешковатом пальто и ходить.

Она остановилась на мосту и посмотрела вниз на мелкую речку:

– У нас в деревне, откуда я родом, чтобы в город пойти, тоже надо железнодорожный мост перейти. Он такой же, и под ним тоже речка. Только мост ржавый и речка глубже.

– Мы под мостом над этой речкой на тарзанке катались.

У Веры зазвонил телефон. Неестественно и дико. Она долго не могла найти его в сумке. Звонил Алеша, сын. Его жена Аня не так давно вышла из психиатрической лечебницы – Алеша теперь звонил редко. Было жаль пропускать его звонок, и все же Вера сбросила и выключила телефон вовсе. Она шла за Артемом по насыпи вдоль рельс, путаясь ногами и спотыкаясь о гравий. Вдалеке раздался приглушенный гудок. Артем обернулся и, пробормотав что-то, пошел на другую сторону насыпи, перешагивая через рельсы. Вера поспешила за ним.

– Как ты можешь меня бросать? – Она гневно подопнула камешек, стараясь попасть по его ноге.

Артем насмешливо смерил ее взглядом.

– Да разве тебя бросишь такую?

Мимо несся черный товарняк. Вера давно-давно летала самолетами и толком не видела поездов. Теперь она остановилась посмотреть. Поезд несся стремительно и неотвратно навстречу черной туче на горизонте. Он был такой длинный, что, не закончившись здесь, мог бы начаться уже там – в нескольких километрах от Веры. Он опрокидывал и угрюмо давил. От него не было никакого спасения. Как будто Вера все время навзничь падала вниз, а поезд боком летел на нее. Они все падали, падали, падали, никогда не достигая дна. Вера почувствовала, что сейчас и правда потеряет сознание и скатится по мертвой траве под откос. Все забудут о ней, и она будет лежать там до скончания века.

– Эй, женщина, посмотри на меня, – крикнул Артем.

– Что? – Вера повернулась, стараясь разобрать по его лицу, что он сказал. Кадр. Кадр. Вера отвернулась к поезду.

Он закончился, и они снова пошли вперед.

– Прошлым мартом мы ездили в Финляндию. Всю исколесили. И заезжали в Норвегию посмотреть на Северный Ледовитый океан. Город назывался Берлевог. Там население тысяча человек. Мы ехали туда по снежной пустыне – ни трассы, ни фонарей, ни леса даже, ни одной встречной машины. Один снег. Куда ни взгляни – поля снега. Глазу не на чем отдохнуть. И вот нам открылся океан: холодный, фиолетовый, мощный, гневный. Тиран. Там невозможно было почувствовать независимость или свободу – наоборот. Только свою ничтожность и полную беспомощность рядом с природой. Это было похоже на край земли. Не знаю, как там можно жить. – Никогда и никому прежде Вера не рассказывала о своем путешествии. Никогда прежде она и не думала, что все это произошло именно так. – Мы пробыли там всего несколько часов. Но каждая из тех минут была борьбой. Живут эти люди за счет своего океанического промысла. Не могу себе представить, что они могут на своих суденышках выходить... туда. Когда приезжаешь в Берлевог, невозможно даже подумать, что в мире есть что-то еще. Такая невероятная оторванность от всего света. – Она замолчала, потрясенная тем, сколько времени жило в ней это чувство беспомощности и страха, никем не узнанное и не разделенное. – Мы уезжали оттуда в ночь, была страшная вьюга, но остаться там... Всем было страшно. Вдалеке показался высокий огонек. Артем быстро перешел на другую сторону:

– Слушай, подожди, пожалуйста. Мне надо отойти.

«Понятно, – подумала Вера, усаживаясь на насыпь, – в кустики пошел». Прямо перед поездом у нее на глазах рельсы перешел какой-то мужчина. Он не особенно торопился, невзирая на тревожные гудки паровоза, заставляя нервничать и машиниста, и Веру. Она сидела, обняв ноги, и смотрела, как мимо едет еще один товарняк. С другой стороны путей на короточках сидел Артем и снимал ее между летящими колесами.

– Я подавал заявку на участие в экспедиции в Антарктику, – сказал он, подойдя к ней. – Но меня сразу отклонили.

Они спустились по насыпи вниз и оказались на автобусной остановке. Пока ждали автобус, Артем снова курил, разглядывая прохожих. Вера сняла его пальто и украдкой посмотрела на часы: 19:30. Володя будет дома не раньше, чем через три часа. Что теперь? Подошел автобус. Артем усадил Веру и сам сел рядом, достал книгу и снова начал читать. Вера тревожно смотрела на него: куда? Через две оста-

новки Артем встал, пожал ей руку и вышел. Кажется, он сказал ей на прощание: «Мне здесь выходить». И все. А она поехала дальше.

Вера подошла к огромному зеркалу в прихожей, неуклюже стянув ботинки. Да, пожалуй, в этой клетчатой вязаной юбке, приталенной кожаной куртке, коротких и разлапистых бумажных башмачках, лишенных всякого изящества, она и правда походила на английскую школьницу. Она приблизила лицо к зеркалу и стала разглядывать свои усталые морщины у глаз и на шее, свой выцветший рот. Боже мой, как она постарела, как все нелепо и бесполово утекло сквозь пальцы. В юности у нее были густые светло-русые волосы – теперь повылезли все, и красится она почему-то в темно-каштановый цвет с красным отливом. Кстати, пора бы уже и покраситься: еще немного волосы отрастут, и у корней будет заметна седина, тусклая и уродливая. Вера потушила свет и села на пуфик в коридоре.

Позже пришел Володя, и почти сразу легли спать. Вера никак не могла уснуть, стараясь вспомнить Артема. Но он был загадочно и прекрасно неуловим – теперь Вера не помнила его лица. Она посмотрела на мужа: он тоже постарел. Да, постарел. На нем эти въедливые и неискоренимые следы старости были не так заметны, но все же. Вера вспомнила, как она уже гуляла так же парку – это было в двадцать и с Володей. Это было даже лучше – ту прогулку она помнила и сейчас. Как они ночевали на скамейке, не в силах расстаться, – потому что и ее, и его соседи по общежитию еще не уехали домой на лето и пойти было некуда. И как у них родился Алеша, а потом Лена, и казалось, что дети всегда будут маленькими, а они – молодыми. Ведь все это было с ней. Она была безгранично счастлива.

Вера обняла Володю, прижавшись лицом к его затылку.

– Вера, Вера, – забормотал он сквозь сон, переворачиваясь с одного бока на другой.

Перерождение

Геннадий Викторович снял очки и бросил их на разложенные перед ним бумаги. Дужки совсем разболтались – пора нести в ремонт. А может, вообще новые очки заказать? Но это сразу тысяч в двадцать встанет, а Ане скоро новый курс психотерапии надо будет походить. Он потер уставшие глаза.

Геннадий Викторович не верил в психотерапевтов – этих недоучек, ремесленников, для которых психиатрия оказалась слишком сложной наукой.

Но он был вынужден признать, что после того, как Аню с помощью препаратов вывели из состояния острого психоза и стабилизировали, ни один психиатр не смог продвинуться ни на шаг: она уже не была буйной психопаткой, но его Аней не стала – улыбчивой, уверенной в себе девочкой. Она превратилась в бесформенное чучело – без эмоций, желаний, стремлений.

Она не бросалась на людей с ножом, не пыталась выбросить в окно Федьку или выброситься сама, но она не испытывала ни малейшего интереса к тому, в чем живет: где спит, как ест, что будет дальше. Господи, да она могла не мыться по две недели, если мать не вела ее в ванную и не мыла там, как будто ей два года. А раньше по два раза в день в душе намывалась – вечно он из-за этого утром на работу опаздывал.

Если ее не снять с этих транквилизаторов, она быстро превратится в овоща. Уж кто-кто, а Геннадий Викторович, врач-психиатр с тридцатилетним стажем, это отлично понимал. Тогда он и поддался на уговоры Тома, которая начиталась в интернете всяких психологических статей низкого пошиба, и согласился попробовать психотерапию.

Неприятно признавать, но это помогало. Сначала психотерапевт – один из самых известных и дорогих в городе, гори он синим пламенем, – просто ставил Ане музыку и наблюдал за ее реакциями. Геннадий Викторович настаивал на своем присутствии на сеансах, но этот Адамейко наотрез отказался.

– Или я работаю и вы не лезете, или разбирайтесь сами, – заявил он довольно грубо.

– Ну и разберемся! – вспылил в ответ Геннадий Викторович. – Позаканчивали шарашкины конторы и стригут теперь капусту, шарлатаны хреновы.

– Гена! – попыталась остановить его Тамара Сергеевна.

– Тома, нет! – рявкнул Геннадий Викторович. – Я этому фокуснику свою дочь не доверю!

Адамейко молча наблюдал. Геннадий Викторович уже прошел стадию отрицания и теперь был в гневе. Следующим будет...

– Я могу хотя бы присутствовать только на первый двух сеансах? – помолчав, предложил Геннадий Викторович. – Я могу сесть как-то так, что она не будет меня видеть.

Торг.

– Нет, – коротко ответил психотерапевт, не утруждая себя развернутыми объяснениями. Геннадий Викторович все равно пока не сможет их воспринять – слишком уязвлено профессиональное самолюбие.

Торг провалился, Геннадий Викторович вяло перекатился в депрессию. Он молча развернулся и вышел из приемной психотерапевта.

– Извините его, Максим Юрьевич, – залепетала его расстроенная супруга. – Он очень за дочку переживает! Я вам позже позвоню – на прием записаться.

– Конечно. Я понимаю, – ответил Максим Юрьевич и ушел в кабинет, а Тамара Сергеевна заседела за подавленным мужем.

– Нет, ну ты подумай, какой ловкач, – возмущался Геннадий Викторович по дороге домой.

Тамара Сергеевна молча смотрела на проплывающие в окне немногочисленные улицы. За тридцать лет, прожитые вместе, она отлично усвоила: когда муж чем-то раздражен, спорить с ним бесполезно – она поговорит с ним завтра. Тамара Сергеевна украдкой смахнула выползшую из глаза слезу.

Все это случилось как-то неожиданно – словно обухом по голове. Аня и Леша давно жили вместе на Левобережье, где у Леша была двухкомнатная квартира, доставшаяся ему от бабушки. Они познакомились в институте – вместе учились на гостиничном бизнесе. И все у них было хорошо. Леша был в меру серьезным и ответственным парнем с традиционными ценностями и правильными стремлениями: Геннадий Викторович и Тамара Сергеевна были довольны выбором дочери. Аня – умница, красавица. Окончила институт, считай, с красным дипломом: одни пятерки за все годы обучения, и уже на госах срезал ее один пожилой баран – поставил «удовлетворительно», и плакала Анина красная корочка. Аня тоже плакала несколько дней.

– Подавай апелляцию! – взывал отец. – Теперь из-за этого скота все труды прахом?!

Но пять лет стараний и жестокое разочарование в конце так сильно измотали Аню, что никакие апелляции ей подавать не хотелось – отстали бы все. Она удачно устроилась менеджером по туризму и за несколько лет выросла до руководителя отдела. Ее направлением была Турция, которую Аня извездила вдоль и поперек. Втайне от родителей она даже обсуждала с Лешей возможность переезда в Стамбул на ПМЖ.

Наконец, на радость бабушкам и дедушкам родилась Федора. Беременность Аня отходила легко, роды хоть и были затяжными, прошли без значительных осложнений, и Аня погрузилась в декретные заботы: когда сам со спины на живот перевернется и надо ли ребенка водить к массажистке каждые три месяца, какие прививки ставить и ставить ли вообще...

Все у них было нормально. Ну, ругались иногда, жаловалась Аня, мол, Леша мало времени ей и ребенку уделяет, что она в изоляции, а он только о тренажере да об играх компьютерных думает. Ну, так это во всех же семьях так.

– Доченька, просто ты выпала из привычного ритма жизни, поэтому так тяжело тебе. Кажется, что Алеша в старой жизни остался, а ты одна мыкаешься, – утешала ее Тамара Сергеевна.

– Да, мама, понимаю я это! Что ты мне прописные истины втолковываешь. Я хочу понять, как это изменить можно.

– Так а как изменить? Пойдет Федя в сад – и все само изменится, – рассуждала невозмутимая Тамара Сергеевна.

– То есть полтора года так жить? Забыть о себе, о своих желаниях, амбициях...

Тамара Сергеевна недоумевала: какие могут быть амбиции, если у тебя ребенок?

– Я бы помогла, если бы не работала, – старалась она поддержать дочь. – Ну вы на выходные можете же его нам привозить.

Жили и жили себе, Феденьке год исполнился, Аня обсуждала с мамой выход из декрета, на Лешу жаловалась уже меньше. И вдруг – как снег на голову:

– Я на работу возвращаться не буду, – сообщила Аня Тамаре Сергеевне по телефону.

– А как же? – не поняла Тамара Сергеевна. Наверное, опять забеременела.

– Я поняла, что туризм – это не мое, не мой путь, не мое предназначение.

Все эти формулировки были недоступны пониманию Тамары Сергеевны: какой путь? какое предназначение? Сиди себе за компьютером – это тебе не на хлебозаводе у печи весь день стоять и не в больнице с психами вошкаться.

– Я буду искать свой путь, – продолжала Аня.

На другой день Тамара Сергеевна позвонила зятю.

– Алеша, я тебя не отвлекаю? – заискивающе проворковала она в трубку.

– Здравствуйте, Тамара Сергеевна. Да нет, – неуверенно ответил Леша.

Теща звонила ему редко, и он каждый раз чувствовал внутреннее напряжение, когда видел на экране телефона ее вызов.

– Алеш, я вчера с Аней говорила, и что-то я не пойму... Она вроде как на работу выходить не хочет?

– А, да у нее там какие-то новые увлечения появились, – отмахнулся Леша. – На какие-то курсы саморазвития она пошла.

– Как это? Какие еще курсы? А Федю куда же? – всполошилась Тамара Сергеевна.

– Да это по интернету, – поспешил успокоить тещу Леша. – Она из дома-то не уходит – по компьютеру все смотрит.

– А, – неопределенно ответила Тамара Сергеевна. – И что там на курсах?

– Да не знаю, я особо не спрашивал. Ищет свой путь. Ну, пусть ищет пока – до конца декрета еще полгода. Успеет поискать и на работу обратно выйти.

Разговор с Лешей возбудил в Тамаре Сергеевне смутные волнения. Разве ее девочке, победившей на конкурсе красоты среди всего университета, нужны какие-то курсы? Она боялась говорить об этом с мужем – он не отличался тактичностью в отношении домашних и вечно лез со своими довольно грубыми методами воспитания: отбери у нее телефон, отключи интернет, чтобы голову всякой ерундой себе не забивала, – что еще он мог сказать?

Теперь Тамара Сергеевна горько жалела, что не обратилась к мужу сразу – ведь чувствовало ее материнское сердце, болело...

Геннадий Викторович всю ночь проворочался без сна. Как могло случиться так, что он – один из самых известных психиатров в городе и даже регионе, а его единственная дочь – сумасшедшая. Чокнутая. Со съехавшей крышей. И вернуть эту крышу на место не представляется никакой возможности.

Он чувствовал в этом жестокую насмешку судьбы: все его труды, его профессиональный авторитет и научный вес – все это рушилось прямо на глазах. Он уже не мог с несгибаемым видом пропускать мимо сочувственно-растерянные, а иногда и насмешливые взгляды коллег. Особо сопереживающим он хотел вцепиться в лицо даже сильнее, чем паршивцам, которые втихую радовались его падению. с ними и так все было ясно – они хотя бы не лезли к нему с этими разговорами.

С одной стороны, он хотел спасти дочь, с другой – его бесило, что она могла так по-свински поступить с ним. И он не понимал, какого чувства в нем было больше.

«Пошатнувшуюся карьеру вряд ли спасешь. Спаси хотя бы дочь», – рассуждал он, глядя в зашторенное окно. Через несколько изматывающих дней и бессонных ночей он согласился попробовать психотерапию на условиях Адамейко: Аню надо было срочно забирать из больницы, пока процессы, происходящие в ее помутненном сознании, не нанесли невозполнимый урон.

И вот, спустя два месяца регулярной терапии, Геннадий Викторович был готов признать: про-

Быть жизнерадостной
и бодрой, всегда
в приподнятом
настроении – казалось
бы, такая малость.
И только поздно вечером,
укладываясь в постель,
можно было всей
тяжестью прошедшего дня
навалиться сзади на мужа,
уткнуться лицом в его
плечо и молчать, пока он
гладил ее руку.

гресс есть. Анино сознание медленно пробуждалось, она начала выходить из дома, заниматься с Феей, который последние несколько месяцев был оставлен на полное попечение бабушки: Тамаре Сергеевне пришлось уйти в бессрочный неоплачиваемый отпуск, чтобы заниматься внуком и больной дочерью. Хорошо, Вася, бывший сокурсник, а ныне – директор хлебозавода, где Тамара Сергеевна работала начальником смены, пошел навстречу.

Аня все еще жила у родителей, но это было временным решением.

– Может, в путешествие им с Алешей съездить вдвоем? В Турцию ее любимую, – предлагала Тамара Сергеевна.

– С путешествием лучше подождать. – Максим Юрьевич Адамейко задумчиво потирал подбородок. – Она по-прежнему в тяжелом и нестабильном состоянии. Только сейчас начинает возвращаться к себе. О радости жизни пока говорить не приходится – сейчас стоит вопрос о выживании.

Тамара Сергеевна отчаянно ломала руки. Выживании? Не значит же это...

– Она что, может руки на себя наложить? – испуганно лепетала она.

Адамейко осторожно взглянул на мать пациентки: надо быть осторожным, а то придумают еще запе-

реть дочь и взять под колпак, чтобы чего не учудила. И тогда месяцы напряженной работы падут прахом, и в таком случае точка невозврата точно будет пройдена.

– Такая вероятность есть, – медленно проговорил он. – Я не хочу скрывать от вас истинное положение дел. Вам надо внимательно, но при этом очень ненавязчиво, – с нажимом проговорил Максим Юрьевич, – следить за Анной. Если вы видите, что она впала в длительную задумчивость, она словно опять погружается в сумеречное состояние, не реагирует на окружающий мир, – мягко верните ее к реальности. Не суетитесь, не взывайте к здравому смыслу и не задавайте вопросов типа «Аня, тебе плохо?». Вам надо отвлечь ее. Просто как бы невзначай обратите ее внимание на что-то, задайте какой-то общий вопрос – про погоду, условно говоря. Мягким спокойным голосом. Она сейчас ребенок.

– Она для меня всегда ребенок, – ревностно встала Тамара Сергеевна.

– Да-да, – кивнул Максим Юрьевич, поморщившись, что она не поняла его с ходу. – Я имею в виду, что она сейчас не тридцатилетняя Аня. Она сейчас ваша полуторалетняя дочь. Ей требуется максимальная и при этом ненавязчивая опека. Никакого напряжения, никаких разговоров «за что же нам такое». Только любящая семейная обстановка, не обремененная никакими печалью. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, – смиренно ответила Тамара Сергеевна.

– И вот еще что. Если она погружается в такое состояние, не трогайте ее. Имею в виду физический контакт. Лучше попробуйте поймать ее внимание голосом. Она может быть глубоко погружена в себя, и внезапный физический контакт может ее испугать. Не могу гарантировать, как она отреагирует. Она может еще больше уйти в себя, может истерика начаться или драться будет – я не знаю. Просто не трогайте ее, если она сама не демонстрирует эту потребность.

– Хорошо-хорошо, – испуганно лепетала Тамара Сергеевна.

Могла ли она подумать, что доживет до того дня, когда ей нельзя будет дотронуться до любимой, единственной дочери?

Тамара Сергеевна старательно выполняла все рекомендации Максима Юрьевича. Ограничила общение Феи с матерью: во-первых, боялась, чтобы она ничего не сделала мальчику, во-вторых, чтобы он лишний раз не раздражал ее. Не оставляла ее

надолго одну, включала музыку, рекомендованную психотерапевтом, ежедневно выходила с ней на прогулки, старалась все время быть рядом и при этом не душить заботой. Иногда ей действительно хотелось броситься Ане на шею и завывать, зарыдать: «Анечка, доченька, что с тобой? Скажи, что сделать? Как помочь? Я все, все сделаю, что ты скажешь, только стань прежней!» Но она сдерживала себя. Запиралась в ванной и тихонько плакала в полотенце, чтобы не услышали дочь и внук.

Быть жизнерадостной и бодрой, всегда в приподнятом настроении – казалось бы, такая малость. И только поздно вечером, укладываясь в постель, можно было всей тяжестью прошедшего дня навалиться сзади на мужа, уткнуться лицом в его плечо и молчать, пока он гладил ее руку.

После того как Аня призналась, что больше не хочет выходить на работу, Тамара Сергеевна старалась звонить ей каждый день.

– Приезжайте к нам на выходных? – просила она дочь.

– Да, мам, как-нибудь обязательно заедем, – отвечала Аня, и Тамара Сергеевна чувствовала какое-то необъяснимое отстранение, расстояние, которое появилось между ними.

Аня брала трубку через раз, односложно отвечала на все расспросы.

– Алеша, что там у вас? – с беспокойством спрашивала Тамара Сергеевна у зятя, чувствуя, что происходит что-то, что не должно происходить в ее семье.

– Да все более или менее, Тамара Сергеевна, – вяло отвечал Леша.

– Что такое более или менее?

– Я работаю, Аня с Федькой сидит.

– А почему трубку она не берет, когда я звоню?

– Не знаю. Не слышит, может. У нее телефон почти всегда на беззвучном стоит.

– Чем она занимается?

– Не знаю даже. Курсы свои все проходит, ходит с Федей на площадку. Ладно, Тамара Сергеевна, мне пора, работать надо.

– Да-да. До свидания, Алеша. Звони, если что. Приезжайте на выходных к нам, мы по Феденьке соскучились.

Наконец, приехали.

– Она пыталась выбросить Федю в окно, – с порога заявил Леша. Его трясло. Он был напуган и подавлен.

– Где ребенок??? – закричала Тамара Сергеевна.

– Я его Тане, соседке нашей, оставил.

Геннадий Викторович молча смотрел на дочь, которая ошарашенно жалась к вешалке с куртками. Худая, даже тощая, волосы грязные, под глазами черные круги, затравленный взгляд и трясущиеся руки. Ему не нужно было дополнительных объяснений: психиатр фиксировал все признаки изменения личности. Аня была больна.

– Леша, проводи ее в ее комнату, – властно преуврал он кудахтанье разволновавшейся жены.

Аня отказывалась говорить. Он проводил стандартную процедуру первичного опроса пациента, но она молчала, испуганно всматривалась в него своими большими черными глазами, будто не понимая, что перед ней сидит отец.

– Давно это началось? – резко спросил он зятя, выйдя наконец из комнаты.

– Нет, – выдавил Леша.

– Так, сейчас собираемся и везем ее в больницу.

– В приемный покой? – уточнила Тамара Сергеевна.

– В психушку! – шепотом крикнул Геннадий Викторович. – Ей ничего не говорить! Она может впасть в буйное состояние, а я дома шприц с аминазином не держу.

Тамара Сергеевна разрыдалась.

– Замолчи, – злобно гаркнул Геннадий Викторович. – Собирай, что есть у тебя для нее. Алексей, иди к ней в комнату и следи, чтобы она сама в окно не выпрыгнула.

Тамара Сергеевна с воем бросилась по коридору в комнату дочери, но Геннадий Викторович перехватил ее по дороге.

– Дура! – закричал он все так же шепотом, хватая ее за руку. – Она сейчас не в себе, понимаешь ты это или нет? Ты своими истериками только хуже еще сделаешь! Иди собирай вещи. И ради бога, Тома, возьми себя в руки, я тебя прошу.

Как и предполагал Геннадий Викторович, Аня билась, выворачивалась, кусалась и пыталась убежать.

– Леша! Леша! – кричала она. – Я не сумасшедшая! Не отдавай меня им, Леша!

Леша, бледный, стоял у машины. Отец держал извивающуюся Аню за руки, вокруг с плачем бегала Тамара Сергеевна. Из больницы уже выбегали санитары и медсестра со шприцем. Эта сцена длилась не дольше минуты – потом Аню все-таки затащили внутрь, но Леша стоял недвижно, глядя прямо перед собой, с четверть часа. Потом достал сигареты, засунул одну в рот и хотел прикурить, но в этот момент на крыльцо выбежала перепуганная Тамара Сергеевна:

– Алеша, тебя Геннадий Викторович зовет.

– Рассказывай все максимально подробно, – велел Геннадий Викторович, уже сидя в белом халате

за столом в своем рабочем кабинете. Он снял телефонную трубку и сказал: – Света, давай в 315-ую ее, там сейчас нет никого. Как давно и с чего началось?

– Да я сам не понимаю, – начал Леша, заикаясь. – Она сначала начала говорить, что, мол, на старую работу выходить не хочет – вот Тамара Сергеевна знает, она ей тоже говорила.

– Да-да, – подтвердила Тамара Сергеевна и замолчала, перехватив строгий взгляд мужа.

– Все какие-то курсы саморазвития проходила.

– Что за курсы?

– Не знаю. В «ВКонтакте» там какие-то. – Леша нервно сглотнул. – Не могу же я за ней следить, как за маленькой. Я доверял ей, – оправдывался он.

– Алеша, мы тебя ни в чем не виним. – Тамара Сергеевна дотронулась до плеча зятя. Геннадий Викторович метнул на нее еще один предостерегающий взгляд.

– Алексей, ты не на допросе, – обратился он к зятю. – Сейчас мне необходимо как можно подробнее разобраться в том, что именно произошло с Аней. Ты сможешь найти эти курсы?

– Думаю, да. Вы думаете, из-за них это случилось?

– Не знаю. Надо посмотреть, что там такое. Может, это секта какая-то.

– Но она всегда была такой здравомыслящей. Вы же сами знаете.

– Знаем, знаем, – протянул Геннадий Викторович. – Однако никто не может с уверенностью судить о том, что и почему происходит в человеческом мозгу. Это просто как переключатель переключить: раз – и все, человек стал психом. А что произошло, почему – об этом только догадываться можно, предположения строить. Все наше лечение по большому счету заключается в подавлении агрессии и стремления к саморазрушению у таких людей.

– Так ее что – не вылечить уже? – ахнула Тамара Сергеевна.

– Не знаю, Тома! Не знаю даже пока, что с ней произошло и какой диагноз ставить. Я ее лечением заниматься не смогу – я отец. Смогу только негласно курировать.

– А кто же? Паша будет лечить ее?

– Паша, – подтвердил Геннадий Викторович. – Но повторяю: здесь из нее просто овоща сделают.

– Мне плохо, – выдавила Тамара Сергеевна, прижимая руку к груди. – В груди болит.

Геннадий Викторович выбежал из кабинета, крикнув Леше на ходу:

– Уложи ее на кушетку!

Когда Тамаре Сергеевне стало лучше, Леша продолжил рассказ:

– В общем, начала она потом какую-то белиберду говорить. Про предназначение человека, его космическую сущность, связь с космосом, Вселенной – муть какая-то, я даже не слушал толком. Про какого-то Стаса – наставник Станислав она его называла. Что он им там что-то объясняет, глаза ей открыл на мир и себя. О том, что все мы между собой связаны, что мы неправильно живем. А надо жить в гармонии с собой, миром, люди не должны заглушать в себе животное начало, должны жить вместе, друг с другом сношаться – что-то там такое было. Да я даже значения этому не придавал. Бред же это. Я же не знал, что это все вот к чему идет. – Леша растерянно замолчал.

– Дальше что было?

– Потом она начала твердить, что она должна быть свободна, что она не может быть свободна, что она не должна была выходить замуж и рожать ребенка, пока не найдет свое предназначение, свой путь в жизни.

Тамара Сергеевна прижала руки в губам, но воздержалась от комментариев, почувствовав на себе предостерегающий взгляд мужа.

– И потом... – неуверенно продолжил Леша.

– Ну? – подбодрил Геннадий Викторович.

– Не знаю, как сказать...

– Так и говори, как есть! – не выдержал тесть.

– В общем, она с этим Стасом... Не понял я! То ли виртуально они сексом занимались, то ли пришлось ей это – но, в общем, вот она сегодня буквально призналась, что они постоянно разговаривают, и он все, чего она хочет, – так она сказала.

– Как они говорят? По телефону? В интернете переписываются?

– Я не понял, – неуверенно ответил Леша. – То есть я так понял, что она просто постоянно слышит в голове его голос. И сексом с ним занималась как... Ну, типа, мечтала об этом, но только она верит, что это реально было.

Геннадий Викторович изумленно откинулся на спинку стула.

– Это давно?

– Не знаю. Она призналась только сегодня. То есть она это кричала, я нормально разобрать не мог. Она сидела за компьютером в наушниках, что-то слушала, я с Фёдей на кухне был. Фёдя с пластилином играл, я завтрак готовил – Аня уже давно

ничего не готовит, за ребенком не следит. Я иногда домой прихожу, а Федя сидит у двери входной в полном подгузнике весь описанный, обкакаанный, голодный. Она вообще им, похоже, не занималась последние недели.

- Что ж ты молчал! – воскликнула изумленная Тамара Сергеевна.
- Да не знал я! Я только сейчас это все понимать начинаю. Картинка только сейчас складываться начинает. Я думал, что просто устала она. Ну, ругались мы. Но я не думал же, что она с ума сходит! Думал, что просто истерит. Мне парень с работы говорил, что у них с женой тоже тяжело было первый год, когда дочка родилась, – и скандалы, и упреки, и истерики.
- Так, и что она кричала сегодня? – напомнил Геннадий Викторович.
- Ну вот, короче, мы на кухне сидели, она заходит молча, берет Федю на руки и к окну. Я сначала не понял, что она делать собирается. Может, показать ему что-то. И когда она окно начала открывать, я понял, не понял даже, а почувствовал, что что-то неладное. Вскочил, к ней подбежал, а она как заорет: «Дай мне выбросить его! Без него мы лучше жили! Я не могу больше! Я как в клетке». Или что-то такое она кричала. Я у нее Федю вырвать из рук пытаюсь, он перепугался, орет, а она вцепилась в него. Мне пришлось ее ударить, – наконец признался Леша и осторожно посмотрел на тестя.

Геннадий Викторович молча ждал продолжения.

- Ну, я не сильно ударил. Просто пощечину дал. Думал, может, она успокоится. Но она Федю на пол бросила и, как кошка, на меня кинулась, вцепилась мне в лицо и начала визжать.

Тамара Сергеевна посмотрела на Лешино лицо: у глаз и на лбу были свежие царапины.

- Короче, я ее оттолкнул, схватил Федю, выбежал из квартиры. Оставил его соседке, вернулся к Ане. И вот она начала кричать, про Стаса этого и так далее.
- Она с этим Стасом в жизни не встречалась? – уточнил Геннадий Викторович.
- Нет вроде. Он, по-моему, в Москве где-то.
- Плохо.
- Почему же плохо, Гена? – встряла Тамара Сергеевна. – Значит, она не изменяла Алеше.
- Да лучше бы изменила, Тома! – крикнул в сердцах Геннадий Викторович. – Галлюцинации у нее, понимаешь ты или нет? Если голос его она в голове слышит, занимается там с ним чем-то в своем воображении и верит в это. Это уже патология моз-

га! Это уже серьезные психические нарушения! Если бы она наркотики какие-то принимала – еще можно было бы это объяснить и предотвратить. А оно само собой в ее сознании синтезируется – вот в чем опасность-то!

- Господи, – только и смогла сказать Тамара Сергеевна.
- От чего такое могло произойти? – спросил Леша.
- Не могу сказать.
- Может, послеродовая депрессия? – предположил Леша. – Я читал, что у многих женщин бывает.
- В наше время тоже все рожали и никаких депрессий ни у кого не было! – всплеснула руками Тамара Сергеевна.
- Леша молча пожал плечами.
- Нет такого медицинского диагноза «послеродовая депрессия», – фыркнул Геннадий Викторович. – Это всякими сумасшедшими мамами придумано, которые детьми заниматься не хотят. Родила и села – заботьтесь обо мне, я в депрессии теперь.

Аня провела в больнице три месяца. Как и хотел Геннадий Викторович, ее лечением занялся Паша – его друг с институтской скамьи и крестный Ани.

- Паша, как можно мягче, я тебя прошу, – раздаленно говорил Геннадий Викторович.
- Гена, ну конечно. Я все понимаю. Выкарабкается еще, может?

Геннадий Викторович молча тряс головой и тяжело вздыхал.

Он – психиатр с именем, главврач районной психиатрической больницы, человек уважаемый в медицинских кругах... Со свихнувшейся дочерью. Он всегда относился к своим пациентам внимательно и чуть свысока, как любящий свое дело орнитолог, изучал их повадки и пытался постичь движения их пораженного сознания. Но все они были для него уже как бы не люди, а особый род забавных диких птиц, за которыми увлекательно наблюдать.

После выписки Аня была далека от выздоровления.

- Разведется он с ней, – причитала Тамара Сергеевна. – И мы не можем его за это винить. Сам подумай, как ему с такой женой жить? С ней даже Федю страшно оставить.

Геннадий Викторович молчал, с ужасом представляя, что ему придется провести старость, ухаживая за дочкой-овощем, склонной к истерическим припадкам.

Но Леша пока разводиться не собирался.

- Я хочу попробовать психолога, – сказал он тестю и теще.

– Какого еще психолога? – вскинулся Геннадий Викторович.

– Максим Юрьевич Адамейко. Я о нем много отзывов хороших в интернете читал.

– В интернете, – фыркнул Геннадий Викторович. – Да я тебе сейчас сяду, кучу отзывов каких хочешь напишу.

– Я знаю. Поэтому, может, вы сможете пробить по своим связям, что за психолог он такой? Можно ему доверять или нет.

– Гена, правда, – подключилась Тамара Сергеевна. – Узнай! Ведь узнать же можно, не обязательно же сразу к нему Аню вести.

– Да не верю я этим психологам, Тома!

– Так ведь что-то же делать надо! – крикнул Леша. Тесть изумленно взглянул на него – первый раз Леша позволил себе повысить голос в их присутствии.

– Правда, Гена. Ты же сам говорил, что у вас в больнице лечить не умеют – только овощи из нее сделают, – надавила Тамара Сергеевна.

– Узнал я насчет этого Адамейко, – сказал Геннадий Викторович через несколько дней. – Не психолог он, а психотерапевт.

– Я не понимаю разницы, – заметил Леша.

– Психотерапевт медицинское образование имеет и может назначать препараты для усиления эффекта от терапии, – коротко объяснил Геннадий Викторович.

– И как он?

Геннадий Викторович сжал губы.

– Да, говорят, неплохой.

– Может, попробовать? – робко спросила Тамара Сергеевна.

– Записался я уже к нему на прием. Сегодня в семь, – признался Геннадий Викторович. – Пришлось связи свои задействовать. К нему очередь на несколько месяцев вперед. Примет нас после окончания приема своего.

Леша облегченно вздохнул. Он не был готов отступить от Ани. Иногда ночью, осторожно обнимая ее в постели, он мучился от невозможности уснуть. «А что, если по наследству это передается? – размышлял он, глядя в потолок. – А что, если не удастся ее вернуть?»

– Алексей, я не хочу тебя обманывать, – сказал ему как-то Геннадий Викторович. – Аня, скорее всего, уже никогда не будет прежней. Я не хочу сказать, что она навсегда останется в таком состоянии, но и прежней уже не будет. Это все

время будет жизнь как на вулкане. Ей до конца жизни теперь придется наблюдаться и, я думаю, периодически пропивать курсами препараты. Леша молчал, переваривая информацию.

– И детей она тебе больше родить не сможет, – осторожно произнес Геннадий Викторович. – То есть физически сможет, конечно, но лучше вам воздержаться от этого. Даже если она когда-нибудь скажет тебе, что хочет еще одного ребенка, что она готова и при этом все будет хорошо, она будет стабильна и даже, возможно, успешна – лучше вам от этого воздержаться. Потому что мы не можем спрогнозировать, какие последствия это может вызвать. Может, у нее опять случится резкое ухудшение, и стабилизировать ее уже не удастся.

– Я понял, – ответил Леша. – Я готов бороться. «По крайней мере, пока готов», – с горечью подумал Леша, обнимая спящую жену.

Мама

Таня захлопнула книгу. «Ребенок познает мир в действии», – застыло в ее голове. Кира сидела на полу, в сотый раз собирая пирамидку.

– Господи, как тебе не надоедает? – усмехнулась Таня.

Девочка подняла голову и вопросительно посмотрела на нее, словно пытаясь понять, чего мама хочет от нее сейчас.

«Каждый ребенок стремится дать своей маме то, чего она от него хочет: будь то беспомощность, чтобы мама чувствовала себя нужной, или повторение действия, за которое его когда-то похвалили», – сам собою всплыл только что прочитанный абзац из книги о воспитании детей. Она вспомнила, как два месяца долбила Киру этой несчастной пирамидкой, чтобы к году она научилась правильно ее собирать.

– Неужели сложно запомнить? Сначала красный, потом оранжевый, желтый, зеленый и так далее! – кричала она на дочь, расшвыривая по комнате колечки. – Не можешь запомнить по цветам – по размеру складывай! Большой, потом меньше, еще меньше. Это же элементарно!

Кира должна была научиться ее собирать. Она хорошая мать, развивает ребенка, и ее дочь не хуже других детей. Умели ли другие годовалые дети собирать пирамидку, Таня не знала, но когда свекровь подарила Кире эту пирамидку, она как будто невзначай сообщила:

– Это очень полезно! Развивает моторику и логи-

ку, координацию. Серезенька уже в годик собирала такую.

Она, конечно, не сказала: «Если Кира похожа на Сережу, она тоже быстро справится», – но Таня прочла это между строк. А если, мол, Кира не справится – значит, она пошла в свою тупую мать.

– Ничего такого она не имела в виду, – всплыл вечером Сергей.

– Ну да, конечно. Твоя мама – святая.

– Не святая, но, по-моему, у тебя проблемы с головой. Ты сперва домысливаешь то, что человек не говорил, и возможно, даже скорее всего, не имел в виду, потом раздуваешь из мухи слона и сама же из-за этого бесишься.

Таня молча швырнула перед ним на стол тарелку с макаронами и сосиской.

Кира так и не научилась к году собирать пирамидку – не успела. Даже в полтора она надевала колечки вразной. Таня давно потеряла к пирамидке всякий интерес, но дочь упорно мурыжила: красный, желтый, голубой, оранжевый, фиолетовый, зеленый, синий.

– Пи! Пи! Пи! – однажды закричала Кира, поднимая руки вверх и радостно глядя на маму. Она собрала – получилось.

– Да-да, вижу. Молодец, – пробормотала Таня, не отрываясь от телефона.

Кира собирала пирамидку каждый день. Правильно собирала пирамидку каждый день.

«А вдруг она ждет, что я обрадуюсь? Собирает пирамидку, чтобы я обрадовалась? Я же так долго от нее этого хотела», – скользнула мысль, но Таня поскорее отогнала ее.

Как же она ненавидела этот день сурка: подъем в семь – и почему у других дети могут спать до девяти часов утра? Но даже семь казалось счастьем после года подъемов в пять. Потом сварить кашу, позавтракать, собраться, одеться, выйти на площадку – о, как ненавидела она детские площадки. Мамашки обсуждают, у кого во сколько пошел, кто сколько весит, дети вокруг бегают, орут, визжат, отнимают друг у друга игрушки, кидают друг в друга песком. Кира лезет на все горки, во все дырки, и приходится лезть за ней, чтобы она ниоткуда не свалилась, нигде не застряла.

Час этой пытки – дольше Таня выдержать не могла, – потом домой, дать творожок, полтора часа лежать рядом, петь песенки, читать стишки, уговаривать, угрожать, орать, хлопать дверью, запирать-ся на кухне, чтобы не слышать крики в кровати:

«Ма-ма-ма-ма-ма-ма». И все ради того, чтобы Кира поспала хотя бы час.

Щапе всего Таня не выдерживала, хватала дочь, с силой прижимала к себе и держала, пока Кира билась и рыдала, пытаясь высвободиться из ее рук. Десять минут борьбы, воплей и рыданий – и измучившись, Кира засыпала, закинув на маму маленькую ручку. А Таня лежала, в бешенстве уткнувшись лицом в подушку: как устала она от этих концертов и ребенка с красным от надрывного крика лицом, которому постоянно что-то нужно. Почему другие дети просто ложатся и спят по два-три часа? А ее дочь сначала полтора часа треплет нервы, отказываясь спать, но в конце концов все заканчивается одним и тем же: гневными криками Тани, борьбой и плачем – и это ради какого-то часа покоя.

Да, не так она представляла себе декрет. Конечно, она понимала, что жизнь будет крутиться вокруг ребенка, но оказаться брошенной, отрезанной от привычной жизни, людей и занятий, это высасывающее все силы однообразие неделя за неделей, месяц за месяцем, уже скоро два года. Без подруг, без коллег, без обедов в кафешке, без вечерних выходов в кино. Даже без маникюра.

– Ну, я понимаю, что тебе сложно. Но ты же можешь заниматься чем-то, что тебе нравится? Фильмы смотреть, книги читать, гулять, – говорил Сережа. Но он не понимал.

«Внимание – самое важное и необходимое для каждого ребенка. Негативное или позитивное – он будет добиваться его любым способом, надо, чтобы мама заметила, а кричит она или играет с тобой – тут уж как получится. Главное, чтобы внимание обратила», – отозвалось эхом в Таниной голове.

Господи, да она скоро с катушек слетит, как их соседка Аня. Выкинуть Киру в окно она, конечно, не порывалась, но помнила это странное чувство в первый месяц после родов, когда ей было страшно самой себя.

– В начале легко, – посмеиваясь, говорили опытные мамашки в очереди в женской консультации. – Они первые месяцы после родов только едят да спят. А вот месяца в три начнется жаршшка.

Кира не спала. Она не спала ни ночью, ни днем. Она не хотела лежать ни в кроватке, ни в коляске. Иногда Таня часами просто сидела на кровати с Кирой на руках, периодически прикладывая ее к груди, потому что быть у нее на руках – все, чего хотела Кира в первый месяц своей жизни.

– Привыкнет, – говорила ей по телефону мама. – Надо приучать.

И Таня трясущимися руками качала из стороны в сторону кроватку, в которой кричала и визжала фиолетовая Кира. Иногда Таня пряталась от несмолкающего крика в ванной или на кухне. Но в конце концов Кира всегда оказывалась сильнее.

– Да заткнешься ты или нет? – кричала Таня, садилась рядом на пол и плакала.

Они так хотели малыша, так ждали дочь. И теперь она – ужасная мать, которая кричит на своего ребенка, злая и несчастливая.

«Мамуля всегда преувеличенно реагирует на любой крик своего крохи. Особенно если она кормит грудью. Это обусловлено гормонами. Природа специально устроила так, чтобы кричащий карапуз вызывал у мамочки чувство, близкое к панике: система тревоги включена на полную мощность, мама мечется, готовая сделать все, лишь бы ее кроха получил то, что ему нужно, и успокоился. Это необходимо для того, чтобы мама не могла оставить своего малыша, даже если очень захочет», – читала Таня в пабликах о материнстве.

– Что ты бесишься, – с недоумением спрашивал у нее Сережа. – Она же просто плачет немного.

Но Кириный крик наживую входил в ее мозг тонким сверлом. Кириный плач и ее усталость – все, что Таня помнила о первом годе своего материнства. Даже на Сергея она смотрела без интереса. Как, впрочем, и он на нее. Как она могла хотеть от него детей? Почему он? Идиотизм. Хоть бы зарплата была нормальной – так и тут приходится перебиваться: если в этом месяце Кире купили комбинезон, новые джинсы Таня сможет себе позволить уже только в следующем. Думать о сексе было просто противно. Какой секс – ей бы в ванной полчаса полежать спокойно.

– Полежи с Кирой, – предложил Сережа.

Но Кира тут же присосалась к груди, едва оказалась в ванной вместе с Таней.

– Сере-е-еж! – крикнула Таня в приоткрытую дверь, не выдержав и десяти минут. – Забери ее.

И потом лежала в остывающей воде, слушала, как она пытается успокоить плачущую дочь. Наконец вылезла, даже не намочив голову, и пошла на ее горестные призывы.

«Да пусть хоть любовницу себе заведет – мне все равно, – размышляла Таня, отпивая чай: Кира наконец заснула. – Главное, чтобы эта любовница не требовала трат – пусть трахается там с кем хочет. И деньги в дом несет».

Она мельком вспомнила Марию – женщину, с которой когда-то переписывалась в «ВКонтакте». Мария

никогда не говорила ничего конкретно против Сережи, но из ее рассуждений получалось как-то так, что не тот Сергей был мужчиной. И возможно, даже не мужчина вообще. Может, права была Мария и не надо было ей выходить за Сережу? Где, интересно, теперь эта Мария. Все в Монако со своим хахалем?

Кира подошла к ящику с игрушками и, схватившись за него ненадежными руками, перевернула его сначала на бок, потом вверх дном. На пол посыпались паровозик, бубен, набор посуды. Кира начала поднимать игрушки по одной и бросать их обратно на пол, глядя на маму. Таня не поднимала головы от смартфона. Она понимала: Кира снова начала эту игру в перетягивание одеяла. Если бы с ней хотя бы можно было договориться: давай полчаса ты играешь сама, а потом с тобой полчаса играет мама. Но она ничего не хотела понимать. Она хотела, чтобы мама играла с ней всегда. Чтобы мама была с ней, в ней – каждую минуту ее жизни.

– Сейчас я разогрею суп – пообедаем, – не выдержала наконец Таня.

– Уп, – повторила Кира.

Таня поставила ковшик с супом на включенную конфорку и нажала на «вызов». Звонить Сереже – хороший способ урвать себе еще хотя бы клочок времени. «Кира, подожди, я разговариваю с папой» – работало всегда. Разговаривать с папой – это была позволительная уступка. Но сейчас оттянуть время не получилось: Сережа не брал трубку. Таня положила телефон на заляпанный кашей стол и сняла с плиты ковшик с борщом.

После обеда она снова попробовала набрать Сереже, но Сережа был тут ни при чем: на телефоне не было связи. Таня сбросила звонок – антенна пустая. Wi-fi тоже не работает. Кира копошилась в кроватке, выбирая книжку, которую мама будет читать ей перед сном.

Таня прислушалась: ни звука, хотя окна открыты и в комнате, и на кухне. Абсолютная, совершенная тишина. Только холодильник тихонько гудит. Она обновила страницу в «ВКонтакте» – стрелочка неумоимо крутилась на экране. Выглянула в окно: пустой двор, бездомная кошка, прикормленная консержкой, сидит на парапете у лестницы в подвал.

– Мама, – позвала Кира. Она терла глазки и зевала.

Таня вернулась к кровати и легла:

– Ну, давай, что выбрала. Репка, отлично.

Ей было не по себе. Как будто во всем мире остались только она и Кира.

– Посадил дед репку, – начала Таня, косясь в телефон. Связи по-прежнему не было.

Она прочитала несколько сказок, попела песенки, выразительно зевнула, поцеловала дочь и закрыла глаза. Кира, сохранявшая сонный вид во время всех приготовлений, тут же повернулась на бок и начала увлеченно играть со своими пальчиками. Она что-то шептала и бормотала, ворочалась, пищала разными голосами, но Таня неподвижно лежала рядом и старалась дышать ровно. Надо просто подождать: она немного поиграет и уснет.

Но Кира не засыпала. Наигравшись с пальчиками, она взяла книгу и стала смотреть картинки. Таня непреклонно изображала глубокий сон, пока действительно не заснула. Она проснулась от того, что Кира прыгала по кровати рядом с ней. Таня глянула на телефон: связи нет, за окном тихо, прошло полчаса.

Она схватила Киру за руку и с силой дернула ее вниз. Девочка упала на кровать и заплакала. Таня прижала дочь к себе. Малышка начала кричать и выворачиваться, но освободиться из крепких и совсем неласковых маминых рук не получалось. Она с рыданиями билась какое-то время и, наконец, сдалась.

Почувствовав, что битва выиграна, Таня разжала объятия, закрыла глаза и снова начала дышать глубоко и спокойно, усыпляя Киру своим дыханием. Девочка тихонько плакала рядом. Потом она подползла ближе и обхватила горячими вспотевшими ладошками Танино лицо.

– Мама, – прошептала она, мокрыми губами поцеловала Таню и заснула.

Таня открыла глаза и посмотрела на красную заплаканную дочь. Она лежала еще несколько минут, боясь пошевелиться и разбудить ее. Из глаз текли слезы, и Таня всеми силами держалась, чтобы не всхлипнуть, чувствуя, что во всем мире никто не нужен ей так, как эта девочка.

Просто Мария

Таня устало ехала в лифте. Рабочий день еще даже не начался, а тяжесть в голове и ногах такая, будто вот уже он – закономерный конец беспощадной пятидневки. Лифт неспешно скользил вниз, словно плохо пережеванный кусок мяса по пищеводу, подбирая по пути еще сонные тушки Таниных соседей: девятый, шестой, второй... «Ну, уж со второго можно было бы и пешком», – раздраженно подумала Таня.

Сейчас все они перевалятся в тесном тамбуре пригородной электрички, воняющем немтыми телами и вьедливым табаком. Ветки метро всосут их, как полезные вещества, и понесут по сосудам тоннелей.

«Нет, все-таки Мария права», – рассуждала Таня, блаженно прикрывая глаза после того, как ловко

оттолкнула спортивного парня и неповоротливую девушку на каблуках от двери подъезжающего вагона – постоят.

«Нельзя быть тряпкой. Мужчинам всегда надо указывать их место, а то на шею быстро сядут, – продолжала ход мысли Таня. – Хотя Сережа мой вроде не такой. Надежный и заботливый... Но Мария говорит, что все они такие до поры до времени – пока не почувствуют, что ты у них в кармане».

Кто-то наступил Тане на ногу и ударил по коленке острым пакетом. Она хотела было открыть глаза и злобно зыркнуть на обидчика, но поленилась и продолжила размышлять.

«Готовь им потом целыми днями, убирай, носки с трусами стирай. Да еще на работу ходи, всегда красиво выгляди, попу качай, ребенка рожай. А сами отрастят пивное пузо – думают, красавцы. Ну нет, – вздохнула про себя Таня, – Сергей у меня не такой мерзкий тип. Он вообще красавчик. Бегает, отжимается».

Таня выползла из вагона и побрела на переход. Этим утром она чувствовала себя совершенно разбитой после вечерней сцены, которую она закатила Сереже из-за пустяка: он опять поставил грязную сковородку в чистую посуду – чтобы не мешала.

«Но с другой стороны, – не сдавалась Таня, – Мария считает, что все они опять же становятся вонючими жердями, как только птичка попала в клетку... Нет, решительно с этим надо кончать! Какие мелкие глупые проблемы – и такая малость может разрушить наши отношения. Что же будет, когда начнутся серьезные передраги? Да, сейчас Сережа кажется мне образцом надежности, да, видно, Мария права – внешность обманчива. Ей ли не знать? Все-таки двоих детей сама на ноги подняла!»

Тем временем Мария Павловна, предпочитавшая, чтобы ее звали просто Мария, сидела за своим секретарским столом и подмазывала губы жидким красным блеском. Она собиралась зайти к начальнику и передать новые факсы, пришедшие утром. Все девять лет, что Мария Павловна сидела в этой небольшой скромной конторе, занимающейся установкой пожарных сигнализаций, она каждый раз подмазывала губы, прежде чем зайти к начальнику в кабинет. Петр Афанасьевич был мужчина видный, одного с ней возраста – немного за пятьдесят. Да, женат. Ну и пусть – ей и не нужен мужчина в доме. В таком возрасте уже тяжело ужиться с чужим человеком. Ерунда это все, что любви все возрасты покорны. Встретаться раз в неделю еще куда ни шло, а каждый день вместе что делать – песок из-под

него выметать? Нет, муж ей не нужен. Даже такой завидный, как Петр Афанасьевич. А вот в любовниках она бы походила. Она, Мария Павловна, еще ничего себе! И пусть даже с Петей одного возраста – она молодым еще фору даст.

Мария Павловна, и правда, выглядела моложаво, но себе льстила. Ее красная бархатная юбка выше колена заставляла Петра Афанасьевича от неловкости всякий раз отводить глаза, когда он замечал ее вызывающие подмигивания в дверях своего кабинета. Впрочем, сама Мария Павловна списывала смущение начальника на плохо скрываемое вожделение.

Все девять лет Петр Афанасьевич держал ее секретаршей, потому что она хорошо выполняла свою работу, а тратить время на поиск и обучение нового человека ему было совершенно некстати, да и потом, жена не ревновала, зная, что в секретаршах у него давно уже немолодая дамочка. Хорошо, что Наташа не видела этих кричащих декольте и взглядов, брошенных на ее мужа украдкой.

Мария Павловна не носила обручального кольца, да и, судя по ее намекам, замужем никогда не была. Однажды Петр Афанасьевич из любопытства нашел ее страницу в соцсетях и обнаружил там фотографии Марии Павловны с неким видным мужчиной. «Ну, слава богу!» – подумал Петр Афанасьевич и решил, что все эти нелепые заигрывания ему только мешаются.

Таня сжимала и разжимала пальцы в туфлях под столом. Говорил же ей утром Сережа, чтобы она оделась теплее и обула осенние ботинки, а не туфли. Утренняя озлобленность растворилась в суматошном офисном дне, и Таня с грустью думала, что зря спустила на Сережу всех собак – надо было сдержаться. Каждый раз так после общения с Марией. И вроде бы она ничего плохого конкретно про Сергея и не говорит. Так только – вопросы задает и отвечает «ну, понятно», рассказывает о своем французском художнике, о Париже, о детях. И рассуждает – о жизни и о мужчинах. О том, как ужасно она жила с мужем – анестезиологом и забудыгой, который однажды бросил ее с двумя детьми, а потом еще и деньги приходил клянчить. О том, как тяжело ей было одной растить и поднимать детей, давать им образование, круглосуточно работать, недоедать, недосыпать.

«Но в конце концов, – писала Мария всякий раз, – я не испытываю ненависти к этому человеку. Я ему даже благодарна, ведь, не поступи он так со мной, я не добилась бы того, чего я добилась в жизни. Я не была бы сейчас там, где я есть».

А была Мария далеко, поэтому Таня никогда не видела свою виртуальную подругу вживую. Вырастив сына и дочь, Мария познакомилась через интернет со знаменитым французским художником и уехала вместе с ним жить в Монако.

Мария любила рассуждать о том, что должен делать настоящий мужчина и какой должна быть жизнь. Она никогда не давала советов и не критиковала Сережу, но на примере его поступков и их с Таней взаимоотношений рассуждала о взаимоотношениях мужчин и женщин вообще. Тане нравилось общение с Марией: ее интересные рассказы о Монако и Луи, о США, где жила ее дочь Оля со своим мужем Фрэнком. О сыне Василии, который живет в Петербурге и никак не может найти порядочную девушку. Иногда Таня мечтала, что каким-нибудь образом она встретится с успешным и красивым Василием и станет его порядочной девушкой. Несколько раз она даже аккуратно намекала Марии, что та могла бы поспособствовать Таниному счастью – с ее, Марии, сыном. Но подруга то ли не понимала, то ли предпочитала не понимать Таниных намеков. А найти Васю в соцсетях самостоятельно не получалось.

«Живут же люди, – думала с тоской Таня, – яркой, насыщенной жизнью».

Таня не любила город, в котором жила, и свою работу, ей было скучно и всегда не так. Она не знала, зачем находится здесь, и уж точно по-другому представляла свою взрослую жизнь.

Прежде она мечтала выйти замуж за Сережу и родить ребенка, но теперь и такое будущее потеряло для нее всякий блеск. Время от времени она с завистью читала блоги ребят, которые отважились бросить все и уехать в Таиланд или на Бали, а кто-то и вовсе путешествовать по миру. Все эти люди своими рассказами, а главное, сочными фотографиями опрокидывали и без того неустойчивую Таню в хандру. И она в очередной раз спрашивала себя: какого черта я торчу здесь? И продолжала торчать.

До конца рабочего дня оставалось еще три часа, а все важные задания Мария Павловна уже выполнила. Остальные могли подождать до следующего утра. Она закрыла таблицу в Excel и типовой договор компании в Word и с трепетом нетерпения начала щелкать по закладкам в браузере. Вчера в Photoshop она сделала новую фотографию с Луи, и ей с самого утра не терпелось узнать, сколько лайков и восхищенных комментариев собрал плод ее кропотливого труда.

Луи был ее любимым детищем. Ни над фотографиями своего вымышленного сына Василия, ни над

Утром Валентина Филипповна выложила объявление в городской группе в «ВКонтакте»: «Пропап пес, черный, беспородный. В холке – около 20 см. Кличка Капитон. Убежал от дома 32 по Окской улице 3 января, около 20 часов. Ко всем, кто видел собаку, просьба позвонить по телефону. Вознаграждение гарантируется».

Гарантируется, как же. Приходится гарантировать – иначе кому ее пес несчастный нужен. Пройдут и не заметят. Объявления о пропаже Капитошки Валентина Филипповна расклеила по всему району: на остановках и у дверей магазинов.

Много раз она думала о том, чтобы купить для Капитона адресник, но каждый раз было жалко отщипывать от пенсии хоть и маленький, а все же значительный кусочек. Да и был он совсем смирным псом, умным, преданным. Шесть лет жил себе, никому да не девался, и вот – салют этот проклятый.

Но тогда его быстро вернули. Оказалось, забежал в приоткрытую каморку дворника – и что дворник делал там так поздно? – забился в угол и сидел трясся, пока Валентина Филипповна бегала ночью по морозу. Дворник его и заметил-то не сразу – только на следующий день.

Ну, вернули пса, слава богу. И денег даже не взяли.

И вот не прошло и двух недель – опять. На этот раз Капитон увязался за бездомной собакой и умогал так быстро – Валентина Филипповна даже «Капитон» выкрикнуть не успела. Наверное, сука текущая была. Если к бездомным прибьется, то его и не найдет никто в жизни. К тому же адресник она ему так и не купила.

Скрепя сердце Валентина Филипповна села за компьютер – выложить новое объявление о пропаже. Ей было неудобно, что ее бестолковый пес теперь уже постоянно сбегает, а она, как клуша, только квохчет и сокрушается.

Она опубликовала то же объявление, освежив дату побега.

Наутро под ее постом набралось с десятков комментариев. Некоторые желали удачи в поисках, но по большей части: «Да у нее собака каждый день сбегает», «Что за хозяйева такие – не могут за собакой уследить. А если она набросится на кого-нибудь», «Да хреновые хозяйева и все. Собака от хороших убежать не будет», «На поводке гулять надо. И с намордником!», «Собака небось на самовыгуле. Хорошо хоть догхантеры на таких собак есть».

Гневные комментарии все прибывали, но Валентина Филипповна их уже не читала. Они с Капитоном жили душа в душу, но объяснять это каждому не хотелось. Да и к чему вступать в эти склоки, оправды-

вать. Ведь людям только желчь свою охота излить, а ее собака им до фонаря – это и так понятно.

Сука ошенилась на стройке за пустырем. Валентина Филипповна принесла собаке куриные кости и немного недоеденной на завтрак гречки, сука подошла к развернутому пакету, уложенному на осколки бетонного блока, и, виляя хвостом, принялась за кости. Потом слизала с пакета гречку, добродушно-вопросительно посмотрела на женщину и тем же размеренным шагом вернулась на свое лежбище, где копошились ее слепые щенки, потерявшие мамку.

Стоял июль, и на улице было тепло. К холодам щенки подрастут, и можно будет забрать одного. Может, и других кто подберет.

Валентина Филипповна, закинув руки за спину, побрела домой, примеряя на себя жизнь с собакой.

Собаки у нее никогда не было. Маленьким Антошка очень просил собаку. И вечно притаскивал домой грязных уличных щенков. Но Валентина Филипповна держать дома собаку ни за что не соглашалась. На улице, в будке – это пожалуйста. Ведь собака – уличное животное. И держать его в квартире – тем более однокомнатной – совсем ни к чему. А дома с участком у них нет.

Так Антошка и вырос без питомца.

– Будут у меня дети – обязательно собаку заведу, – говорил он с легким укором.

– А если они кошку захотят? – парировала Валентина Филипповна.

– Ну, – Антон озадаченно поджимал губы, – это непредсказуемая вероятность. Придется и кошку тоже завести.

Непредсказуемая вероятность. Валентина Филипповна только пожимала плечами: зачем ему животные в доме? Животные должны на улице жить, а не в кроватях спать. Но не спорила: сперва детей роди – а там посмотрим.

Но дети у Антона так и не родились. Он стал замечательным хирургом-кардиологом, талантливым и перспективным, и умер в 29 лет в поезде где-то между Новосибирском и Омском от острой сердечной недостаточности.

Валентине Филипповне было пятьдесят девять. Она спала в своей квартире на Окской улице. Но проснулась и умерла вместе с ним.

Она брела через заросший пустыррь по узкой тропинке, заложив за спину руки, и думала о том, что в жизни не бывает ничего неизменного. Вот ей уже шестьдесят один, она – усталая старуха, которая ненавидит каждый день, но боится отнять у себя жизнь. Боится боли и не может избавиться

от этого нелепого страха, вдолбленного ей в голову истою верующей бабушкой: самоубийство – самый страшный грех. Нелепого потому, что сама Валентина Филипповна ни в какого бога не верит. Хотя хочется, конечно, надеяться, что встреча с сыном, с ее Антоном, еще состоится. Что жизнь была не зря.

Но самое нелепое – то, что она, пустая никчемная старуха, которая не могла переступить через себя ради сына, теперь принесет в свою однокомнатную квартиру грязного уличного щенка. Чтобы хоть как-то наполнить свою жизнь. И возможно, даже полюбит его.

Она остановилась, не дойдя до конца пустыря, и долго стояла, все так же заложив руки за спину и поджав тонкие губы. Потом развернулась и пошла обратно к стройке.

Собака настороженно следила за женщиной, неуверенно похлопывая хвостом о землю, от чего в воздух взлетали маленькие пыльные облачка. Щенки испуганно прижались к ней, почувствовав незнакомый запах, но один черный упорно полз в сторону опущенной на землю руки. Наконец, он дополз и неуклюже ткнулся в палец Валентины Филипповны – нюхал. Собака беспокойно заерзала на своем месте.

Валентина Филипповна осторожно подняла крошечного зверька и уложила себе на грудь. Может быть, она не сможет жить с собакой, может быть, лучше вовсе не затевать эту историю, но она должна знать. Должна проверить прямо сейчас.

Собака скулила и бежала за ней следом, но ей пришлось отстать – на стройке остались еще пять пишущих и напуганных щенков.

– Завтра тебе верну, – пообещала Валентина Филипповна.

Все равно, пока малыш сосет молоко, нет смысла разлучать его с мамкой. Ей было стыдно своего эгоизма, но она упрямо несла слепого щенка, пригревшегося у нее на груди, через пустырь.

Щенок изгадил весь ковер и во время кормления срыгнул на диван – собачницей стать не получилось. Утром Валентина Филипповна понесла щенка обратно матери. По стройке ходили гастарбайтеры, собаки с щенками не было видно.

– А где собака? – спросила Валентина Филипповна рабочего, бросавшего песок в тачку.

– Умер, да. Отравила его женщина. И детей.

Валентина Филипповна с недоверием посмотрела на рабочего. Он махнул рукой в сторону пустыря.

– Закопали. Злая женщина, – сказал рабочий, снова берясь за лопату, и сокрушенно покачал головой.

Валентина Филипповна полезла через траву в сторону, куда махнул гастарбайтер. Там, на небольшом участке, расчищенном от травы, мягко чернела свежескопанная земля. Щенок на ее груди засопел – проголодался.

И вот теперь этот шестилетний щенок бегаёт где-то по сугробам. Может, замерз уже, оголодал. Ох, глупый пес. Хоть бы к собакам прибился – один не выживет. А подбирать его вряд ли кто-то будет: кому нужна беспородная псина? Да к тому же немая – плохой из него сторож. Но знала об этом только Валентина Филипповна. Раньше она и представить не могла, что собаки могут быть немыми. Но за всю жизнь Капитон не произнес ни звука: лаял – только рот молча открывал и закрывал, рычал – топорщил брылья и губы. Даже поскулить нормально не мог: еле слышно шипел, как старый змей, и скреб хозяйскую руку лапой.

– Может, другую собаку заведете? – сочувственно спрашивала соседка Маша.

– Не хрен собак тут разводить! Убежал, и слава богу! – каркала из приоткрытой двери ее мать Евдокия Ивановна. И добавляла тут же, перехватив кошку ногой: – Милка, а ну пошла в дом!

Но Валентине Филипповне не нужна была собака. Ей был нужен Капитон.

Зима ушла, прибрав за собой слякоть и грязь. На чистые застывшие улицы шагнула весна. От Капитона не было никаких вестей, Валентина Филипповна упорно обновляла объявление в районной группе. Постепенно даже самые яростные недоброжелатели отвалились, репосты прекратились, фотография Капитоши набирала два-три лайка.

– Вы это дело не оставляйте. Соцсети – великая вещь! – обнадеживала Валентину Филипповну знакомая собачница. – Я помню случай, когда потерявшуюся собаку хозяева случайно встретили уже через год – с новыми хозяевами. А другая через два года через соцсети собаку нашла в другом городе, представляете? Йорка. Дальнбойщики, что ли, подобрали и увезли. Чудо, конечно, но ведь и чудеса случаются.

И Валентина Филипповна ждала чуда, каждый раз перед сном стараясь представить, где сейчас ее Капитошка.

Спустя пять месяцев после побега появилась другая собака. Небольшая молочная сука Эми из приюта для бездомных собак. Эми была умная, но боялась всего на свете. Сидела в большом шкафу в прихожей, и первый месяц Валентине Филипповне приходилось выносить ее на улицу на руках.

Эми была от рождения несчастной: не потому, что ее били или издевались, а потому что была глубоко напугана всем вокруг. На поводке Эми гулять не умела, и управиться с ней было невозможно, когда на ее шее зашелкивался карабин, в квартире боялась дивана, стульев и дверей, к Валентине Филипповне относилась с опаской, каждый раз поглубже забиваясь в шкаф, как только хозяйка появлялась в коридоре. Испытание, а не собака. И зачем только она ввязалась в эту историю? Но вернуть Эми в приют Валентина Филипповна все равно бы уже не решилась.

Она гуляла с Эми где-то между гаражами и старым кладбищем: людей там почти не было и можно было обойтись без поводка и намордника. Эми всякий раз испуганно прижимала уши и присаживалась на задние лапы, услышав, как где-то заводится машина и гулко хлопает металлическая дверь гаража.

Однажды им встретилась громкая кучка школьников, заговорщицки бросавших петарды. При первом же хлопке Эми, поджав хвост, метнулась в сторону и понеслась вперед через всю линию гаражей и дальше – за кладбище. Валентина Филипповна кинулась следом.

– Эми! Эми! – кричала она механически, не надеясь, что собака ее услышит.

Она медленно пробежала мимо кладбища и, обесилев, побрела в сторону стоянки. Там, на стоянке, за шлагбаумом, Эми, все так же поджимая хвост к брюху, обнюхивала черного пса на цепи. Пес, заметив Валентину Филипповну, вытянулся в стойке и напряженно поднял уши. Валентина Филипповна остановилась. Пес открыл пасть и начал отрывисто лаять, но из его глотки не доносилось ни звука.

Валентина Филипповна побежала. Из будки охранника выскочил помятый парень.

– Не бегите! – крикнул он и предостерегающе выбросил вперед руку.

Но Валентина Филипповна продолжала бежать. Медленно, из последних сил бежать.

– Так он у вас сидел все это время на цепи, что ли? – со смесью гнева и недоумения спросила Валентина Филипповна.

– Да я с ним ходил каждый день, гулял. На поводке только, потому что он сбежать все время хотел, а один же пропадет.

«Домой хотел вернуться. Дурак какой», – Валентина Филипповна почти с ненавистью посмотрела на простоватое лицо охранника.

– Как же он у вас охранял тут? Он же немой.

– Немой, да? Да мы сразу не поняли, что он не лает, а потом уж привык я к нему, да, Блэки?

Капитон стоял между Валентиной Филипповной и охранником, улыбался, помахивая хвостом.

– Я его забираю. – Валентина Филипповна твердо посмотрела в глаза парню.

Он замялся, прикидывая, так ли нужен ему этот пес, который, хотя и относится к нему славно, за хозяйку держит эту тетку – сразу ясно. Никогда Блэк так не радовался и не прижимался к его ногам, да и сбежать все время пытался.

– Я его к ветеринару водил несколько раз и консервы из своих денег покупал, – начал он изда-лека.

– Сколько вы хотите? – просто спросила Валентина Филипповна.

– Семь.

– Это почти половина моей пенсии.

– Давайте две, – вздохнул парень.

